

Гаранина Ольга Денисовна

Garanina Olga Denisovna

доктор философских наук, профессор
Московского государственного технического
университета гражданской авиации

D.Phil., Professor,
Moscow State Technical University of
Civil Aviation

ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ОТ HOMO SAPIENS К HOMO INFORMATIVUS

HUMAN PERSPECTIVES IN THE WORLD OF INFORMATION TECHNOLOGIES: FROM HOMO SAPIENS TO HOMO INFORMATIVUS

Аннотация:

Статья посвящена анализу социальных последствий внедрения информационных технологий в повседневную жизнь людей. Интенсивная информатизация всех структур общества трансформирует социальную среду и, следовательно, преобразует человека как объекта социализации, что актуализирует проблему нового образа Homo sapiens. Автор обосновывает положение о влиянии информационных технологий на формирование специфических антропологических качеств, система которых составляет паттерн Homo informativus (человек информационный). Сделан вывод, что возникновение этих качеств обусловлено трансформацией ценностных приоритетов человека, погруженного в информационное пространство. Дан анализ противоречий, отражающих особенности существования человека в информатизированной социальной среде. Выделены техногенное, когнитивное, коммуникативное, эмоционально-чувственное и нравственно-поведенческое противоречия, развитие которых определяет формирование нового образа человека и перспективы его существования в информационном обществе. Показано, что возникновение этих противоречий обусловлено как незрелостью нового типа социального устройства, так и неспособностью человека быстро адаптироваться к реалиям информационной экспансии.

Ключевые слова:

человек, личность, информационное общество, Homo informativus, социальные противоречия, ценностные приоритеты, духовные ценности, коммуникация, формирование личности.

Summary:

The article analyzes the social impact of introducing information technologies to the daily life of people. Intensive computerization of the structure of society transforms the social environment, and, consequently, transforms a person as an object of socialization that updates the problem of a new image of Homo sapiens. The author substantiates the influence of information technologies on establishing the system of specific anthropological qualities which constitutes a pattern of Homo informativus. It is concluded that these qualities are caused by transforming the value priorities of a person involved in the information space. The article reviews contradictions reflecting the peculiarities of human existence in the informative social environment. The study distinguishes technology-related, cognitive, communicative, emotional and behavioral contradictions which determine a new image of a human and the prospects of human existence in the information society. The paper shows that these contradictions are based on the immaturity of a new type of social order and the inability of a person to adapt oneself to realities of the informational expansion.

Keywords:

human, personality, information society, Homo informativus, social contradictions, value priorities, spiritual values, communication, personality formation.

Человек адаптировался в мире, преобразуя условия своего существования, создавая социальную среду, отвечающую потребностям его безопасности и развития. Будучи активным деятельным существом и выступая субъектом, драйвером социальных изменений, творящим новые социальные структуры, человек одновременно является объектом социализации, приобретающим соответствующие этим изменениям качества. Исследуя антропологические перспективы, следует иметь в виду, что каждое новое поколение людей, изменяя условия своей жизни, социализируется с учетом инновационных условий, что детерминирует возникновение специфических характеристик, обеспечивающих адаптацию и функционирование человека в преобразованной реальности. Инноватизация социальной реальности на современном этапе развития общества происходит в процессе активной экспансии информационных технологий, влекущих общество к очередному витку цивилизационного развития, называемому информационным обществом.

В 2010 г. была принята государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» [1], цели и задачи которой предполагают качественное преобразование места и роли информационных технологий в жизни общества и ориентированы на создание новой информационно-технологической социальной среды. Аналогичные программы приняты и в других государствах. Ясно, что в результате выполнения этих программ социальная жизнь в ближайшие несколько лет качественно изменится. Эта ситуация требует глубокого фи-

лософского анализа, антропологический смысл которого состоит в том, что изменение социальных условий вследствие информатизации вызывает не только изменение образа жизни людей, но и преобразование мировоззренческих оснований, нравственно-поведенческих стереотипов, психологических установок, мотивационной структуры личности. Если исходить из посылки, что среда формирует личность, то правомерно утверждать, что в результате трансформации социальной среды произойдет трансформация личности.

Таким образом, динамика современных социальных процессов актуализирует проблему нового образа человека, формируемого в реалиях информационного общества. Дискурсивное развертывание этой проблемы предполагает осуждение свойств (качеств), порождаемых спецификой нахождения человека в информатизированной среде, обеспечивающей создание, функционирование информации и использование ее субъектом для удовлетворения своих потребностей. Исходная методологическая посылка для анализа этих свойств содержится в обозначении человека, формирующегося в информационном обществе, как *Homo informativus*, т. е. «человек информационный». Данное определение ориентирует на поиск качественной специфики человека, владеющего новыми технологиями для получения, переработки и использования информации.

Тема перспектив человека в преобразованной информационными технологиями социальной реальности активно обсуждается в социально-гуманитарной литературе в русле традиционной для философии проблемы «технофобии» [2]. В настоящее время новые аспекты этой проблемы обнаруживаются в концепциях трансгуманизма, поставившего вопрос о «постчеловеке», его трансформации и киборгизации в результате развития конвергентных НБИКС-технологий (нано-, био-, инфо-, когнитивных и социогуманитарных) [3]. Многообразие представленных в литературе научных решений указанной проблемы свидетельствует об открытости данной темы для философского анализа.

Решение задачи анализа перспектив человека, образ которого должен адекватно отражать новые социокультурные условия его бытия, вряд ли может быть осуществлено путем компилирования данных разных наук, хотя междисциплинарный подход констатируется в качестве основной методологии трансгуманизма [4]. Здесь требуется особый методологический каркас, в рамках которого человек предстанет как системная целостность, воплощающая единство телесной природы, духовной сущности и условий жизни. В русле философской традиции исследования человека такой методологический каркас предложил А. Гелен, обосновавший идею «неспециализированности» человека, его несовершенства, обусловленного слабым развитием биологических приспособительных инстинктов [5, с. 175]. Стремясь преодолеть свою телесно-биологическую недостаточность (ограниченность, неспециализированность), утверждал Гелен, человек создает социально-культурное пространство (социальную среду) как своеобразный механизм приспособления к миру. Эта социокультурная среда, выступая результатом культуротворческой деятельности человека, выражает его сущность [6, с. 161].

Констатируя наличное существование созданной человеком новой информационно-технологической социокультурной реальности и не останавливаясь на характеристике ее компенсаторных особенностей (т. е. не обращаясь к вопросу о том, для преодоления какой «неспециализированности» (ограниченности) человека создается культурное пространство информационного общества), обратим внимание на ее несовершенство, обусловленное незрелостью данной социально-исторической формы. Информационное общество еще только формируется, и процесс становления небывалых ранее социальных структур и процессов, влияющих на человека, порождает своеобразные противоречия его жизни, отражающиеся в изменении сущностных личностных свойств. Эти противоречия определяют перспективы существования человека в обществе нового типа, его интеллектуально-когнитивные, коммуникативные, эмоциональные и поведенческие особенности.

Первостепенное значение в определении перспектив человека как *Homo informativus*, на наш взгляд, имеет противоречие между сужением природно-естественных условий жизни человека (человек как часть животного мира, мира жизни, принадлежит природе) и постоянным расширением пространства искусственной технизированной среды. Будучи частью биосферы, человек создает ситуацию отказа от естественных природных основ своего существования, формируя технические структуры, которые противоречат жизни, утверждая доминирование мертвой материи. Созданная и имеющая тенденцию к расширению искусственная технизированная среда вытесняет (и даже заменяет) естественное пространство жизни. Это противоречие информационного общества, которое может быть названо техногенным, содержательно выражено в следующем тезисе: «Человек как живое существо, как биологический вид сегодня существует и развивается в чуждой ему неорганической, искусственной среде». Техника, прежде всего информационная, становится для человека абсолютной ценностью, поскольку позволяет ему удовлетворять базовые потребности. Результатом абсолютизации ценности технических объектов неизбежно становится девальвация ценности живых объектов, ценности жизни, что чревато нивелированием различия между отношением к живому и неживому.

Вспомним повсеместно распространенную игру «тамагочи», суть которой заключается в поддержании «жизни» некоего виртуального существа, умирающего, если не выполняются определенные действия. Однако смерть в данном случае – отнюдь не трагическое событие, знаменующее окончание жизни, а рядовой исход, выполняющий функцию наказания за невыполненную процедуру. Технизированная среда формирует у человека специфические психологические качества, среди которых приоритетную роль играют рациональность принятия решений, стремление к порядку, исполнительность. На задворки личностных структур перемещаются такие общечеловеческие нравственные качества, как доброта, сострадание, милосердие, которые не требуются во взаимодействии с техническими объектами. Человек рационализируется – иначе он не адаптируется к задаваемым техникой функциональным требованиям. Негативная перспектива развития техногенного противоречия – сращение человека и информационно-технологической среды («технологическая сингулярность»). Эта проблема наиболее ярко представлена в исследованиях искусственного интеллекта. По мнению американского футуролога, технического директора Google P. Курцвейла, искусственный интеллект, называемый им «постбиологическим», будет программным продуктом, который можно использовать в самых разных ситуациях [7, р. 75–84].

В реалиях информатизированной жизни активно формируется когнитивное противоречие между значительными объемами информации, которые может получить человек с помощью современных информационных технологий, и ограниченностью его интеллектуальных возможностей. Возникновение данного противоречия обусловлено тем, что ускоренное развитие информационных технологий выступает технологической базой создания очень сложной, активно изменяющейся и информационно перегруженной среды, в которой человек часто не может адекватно воспринять избыток информации. Индивид в силу природной психофизиологической ограниченности мышления не может овладеть представленной в электронных ресурсах информацией даже в необходимой ему степени. Это связано с тем, что биологической способности человека воспринимать и усваивать информацию недостаточно для того, чтобы ориентироваться в многообразии предлагаемых концептов. Появляется некая «искусственная» недостаточность мышления, не способного адаптироваться к перегруженному информацией миру. Когнитивная деятельность мышления в данной ситуации базируется не на всестороннем анализе имеющейся информации, а все чаще на каком-либо одном, доступном или общепризнанном, общеизвестном информационном элементе. Это вызывает эффект стереотипного ограничения внимания и автоматической реакции на поступающую информацию. Автоматизм стереотипности, т. е. стремление понять поступившую информацию и принять решение, используя уже известные методы, в конечном итоге приводит к значительному расширению возможностей влияния на психику человека и, соответственно, на его действия во всех сферах жизни – от политической до интимной.

Специфика адаптивного воздействия информационного пространства на индивида проявляется в том, что каждый человек может получить информацию индивидуально, автономно, сидя дома или на рабочем месте у компьютера. Но каждый «одиночка» получает однотипную информацию, размещенную в интернете, и в конечном итоге он превращается в человека с «массовым сознанием». Очевиден вывод: при этом формируются тождественные оценки определенных объектов и отношений, тождественные установки на определенные типы поведения. Сознание постепенно становится унифицированным, стандартным. Можно заметить также, что до широкого внедрения информационных технологий в повседневную жизнь система общепринятых одобряемых норм и образцов поведения соотносилась с реальной жизнью, служившей эталоном и исходной точкой отсчета. В информационном обществе ситуация меняется: реальное поведение людей, их стиль жизни, образ мышления, манеры формируются на основе моделей, предлагаемых в сетях и функционирующих как элементы «массовой культуры», превратившейся в законодателя норм и эталонов. При этом игнорирование предлагаемых в информационно-коммуникативных сетях эталонов приводит к социальной фрустрации.

Еще одним важным противоречием жизни человека, порождаемым информационной средой, выступает информационно-коммуникативное противоречие между родовым социально обусловленным стремлением человека к межличностному общению и создаваемыми вследствие специфики телекоммуникационных технологий ограничениями непосредственного характера взаимодействия. Человек открыт всему миру посредством включения в коммуникативное сетевое взаимодействие и одновременно ограничивает социальное (в подлинном смысле этого слова, т. е. человечески-совместное) общение, поскольку в информационно-коммуникативных сетях он может по своему желанию связаться с любым участником Сети и отключиться от взаимодействия простым нажатием кнопки.

Содержание информационно-коммуникативного противоречия жизни человека в информатизированном обществе может быть выражено в следующем тезисе: «В информационной среде можно общаться с кем, когда и сколько угодно, но личностное взаимодействие не обязательно». Сущность данного противоречия состоит в одновременном расширении коммуникативного пространства в результате развития информационно-коммуникативных технологий и сужении лич-

ного общения рамками интернета, мобильной связи и т. п., в результате чего формируется чувство отчужденности от реальной жизни и оторванности человека от других людей. Дж. Нейбит утверждает, что пребывание в комнате в абсолютном одиночестве и «беседа» по интернету в чате представляет совершенно новый социальный феномен, ни в коей мере не заменяющий человеческого со-участия [8, с. 33–34]. Интернет как пространство виртуального взаимодействия нивелирует ценность личного общения, на него не остается времени, интерес к нему пропадает. Постепенно происходит трансформация традиционной схемы общения, ориентированной на долговременность, преданность, верность, поскольку взаимодействие «я» и «другого» в информационно-коммуникативных технологических структурах подлежит оценке не в нравственных категориях, а в терминах рациональности, полезности и дискретности.

Рационализация всех проявлений жизни человека, задаваемая особенностями функционирования технизированной среды, порождает эмоционально-чувственное противоречие между многообразием эмоционально-чувственного мира человека и необходимостью ограничения эмоциональных проявлений в информационном обмене. Разнообразие получаемой по многим каналам информации каждым индивидом требует, как отмечалось, унифицированности и стандартизованности сознания. Стереотипность мышления и чувств человека выражается в системе шаблонов, позволяющих минимизировать их выражение в информационно-коммуникативных процессах (смайлики, сердечки, лаконичные рисунки и т. д.).

Утверждающаяся в новых социальных реалиях стандартизация мышления детерминирует формирование еще одного существенного вида противоречий жизни Homo informativus – нравственно-поведенческого, в котором воплощается различие между информационными условиями развития личности и ограничениями личной свободы. Информационная свобода, предполагающая безграничные возможности получения любой необходимой информации, с одной стороны, выступает основой развития человека как личности, но с другой, влечет за собой расширение возможностей как манипулирования поведением личности, так и тотального контроля за всеми проявлениями ее жизни. Специфика участия в информационном обмене сопровождается накоплением персональной информации, что актуализирует образ «Большого брата», который знает все обо всех. Тотальный контроль может рассматриваться как характерная черта информационного общества, не вызывающая, впрочем, отторжения, поскольку целевая (государственная) функция этого контроля направлена в конечном итоге на обеспечение безопасности личности и ее развитие. Однако этот контроль может стать основой манипулирования человеком. Значительные (избыточные) информационные потоки практически лишают массового потребителя возможности выявить и понять какую-либо тенденцию, поэтому большое значение в оценке предлагаемой информации приобретают суждения экспертов, консультантов и т. п. Недостаток информации («дозированная информация») или определенным образом поданная информация становятся основой для формирования и распространения разнообразных мифов, верований, иных не отражающих реальность представлений. Не естественные (реально существующие), а искусственно культивируемые образы, целенаправленно создаваемые в коммуникационных сетях, становятся материалом для манипулирования оценками, отношениями, взглядами.

Безусловно, рассмотренные перспективы человека, который будет жить в информатизированном, технизированном мире, не исчерпывают многообразия особенностей образа субъекта этого мира. Новый цивилизационный виток только начинает сворачиваться в спираль, поэтому подлинные масштабы и характер социально-личностных изменений проявятся в отдаленной временной перспективе.

Ссылки:

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 15 апр. 2014 г. № 313 : с изм. и доп. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».
2. Болховской А.Л. Философский взгляд на бытие человека в новых технологических укладах // Вестник экспертного совета. 2017. № 1 (8). С. 115–118 ; Кутырев В.А. Постчеловеческая революция как результат технологизации человеческого мира // Наука. Мысль : электрон. период. журн. 2017. № 1-3. С. 45–49.
3. Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 13–21 ; Козырьков В.П., Свадьбина Т.В., Немова О.А. Атрибутивные качества человека в условиях революции техносферы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 17. Философия, конфликтология, культурология, религиоведение. 2016. № 2. С. 15–25. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2016.202> ; Marciniak M., Klichowski M. The Paradox of Commodification of the Body in the Society of Consumption and Cyborgization // Studia Edukacyjne. 2013. Vol. 29. P. 153–167.
4. Баева Л.В. Образ киберчеловека в современной науке и культуре // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2015. № 1 (9). С. 56–69. <https://doi.org/10.17726/philIT.2015.9.1.17>.
5. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. Переводы. М., 1988. С. 152–200.
6. Там же. С. 161.
7. Kurzweil R. How to Create a Mind: The Secret of Human Thought Revealed. N. Y., 2012. 310 p.
8. Нейбит Дж. Высокая технология, глубокая гуманность. Технологии и наши поиски смысла. М., 2005. 381 с.